

Спикина Елена Эдуардовна

А. С. КАЙСАРОВ И "ДРУЖЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО"

В статье рассматривается деятельность "Дружеского литературного общества". Его участники обсуждали новинки отечественной и зарубежной литературы, выступали со своими произведениями. Одним из участников "Дружеского литературного общества" являлся А. С. Кайсаров, который внёс весомый вклад в становление и развитие отечественного славяноведения. В историко-сравнительном аспекте исследуется его малоизвестное сатирическое произведение, направленное против господствовавшего в русской литературе в начале XIX века сентиментализма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/9/60.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (64). С. 200-205. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3. Наибольшая численность и доля жизнеспособных клеток отмечены в мелкоземе непосредственно под каменной мостовой. Такие местообитания (песчаные горизонты с куртинами мха, скоплениями водорослей и микромицетов) наиболее благоприятны для развития бактерий, так как защищены каменной мостовой от ветровой корразии, иссушения и агрессивного УФ-излучения, но в то же время близки к поверхности, хорошо прогреваются при инсоляции мостовой и получают питание при таянии снежников.

4. Число колониеобразующих единиц гетеротрофных бактерий коррелирует с содержанием органического углерода в почве, что указывает на то, что значимая часть органического вещества лабильна и доступна для бактерий, но слабо связана с минеральной матрицей и слабогумифицирована.

Список литературы

1. **Абакумов Е. В.** Почвы Западной Антарктики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 112 с.
2. **Горячкин С. В., Гиличинский Д. А., Мергелов Н. С., Конюшков Д. Е., Лупачев А. В., Абрамов А. А., Зазовская Э. П.** Почвы Антарктиды: первые итоги, проблемы и перспективы исследований // Геохимия ландшафтов и география почв (к 100-летию М. А. Глазовской). М., 2012. С. 361-388.
3. **Мергелов Н. С., Горячкин С. В., Шоркунов И. Г., Зазовская Э. П., Черкинский А. Е.** Эндолитное почвообразование и скальный «загар» на массивно-кристаллических породах в Восточной Антарктике // Почвоведение. 2012. № 10. С. 1-18.
4. **Cameron R. E., Hanson R. B., Lacy G. N., Morelli F. A.** Soil Microbial and Ecological Investigations in the Antarctic Interior // Antarctic J. of the United States. 1970. Vol. 5. P. 87-88.
5. **Friedmann E. I.** Endolithic Microorganisms in the Antarctic Cold Desert // Science. 1982. Vol. 215. P. 1045-1053.
6. **Friedman E. I., Gilichinsky D. A., Wilson G., Ostroumov V., Vorobyova E. A., Soina V. S., Sherbakova V., Vishnivetskaya T. A., Chanton J., Friedman O., McKay C. P., Rivkina E.** Viable Bacteria, Methane, and High Ice Content in Antarctic Permafrost, Relevance to Mars // ISSOL'96: 8th ISSOL Meeting: 11th International Conference on the Origin of Life. Orleans, 1996.
7. **Gilichinsky D., Abakumov E., Abramov A., Fyodorov-Davydov D., Goryachkin S., Lupachev A., Mergelov N., Zazovskaya E.** Soils of Mid and Low Antarctic: Diversity, Geography, Temperature Regime // Proceedings of the 19th World Congress of Soil Science. Brisbane, 2010. P. 32-35.
8. **Gilichinsky D. A., Wilson G. S., Friedmann E. I., McKay C. P., Sletten R. S., Rivkina E. M., Vishnivetskaya T. A., Erokhina L. G., Ivanushkina N. E., Kochkina G. A., Shcherbakova V. A., Soina V. S., Spirina E. V., Vorobyova E. A., Fyodorov-Davydov D. G., Hallet B., Ozerskaya S. M., Sorokovikov V. A., Laurinavichyus K. S., Shatilovich A. V., Chanton J. P., Ostroumov V. E., Tiedje J. M.** Microbial Populations in Antarctic Permafrost: Biodiversity, State, Age and Implication for Astrobiology // Astrobiology. 2007. Vol. 7 (2). P. 275-311.
9. **Targulian V., Mergelov N., Gilichinsky D., Sedov S., Demidov N., Goryachkin S., Ivanov A.** Dokuchaev's Soil Paradigm and Extraterrestrial "Soils" / ed. by R. Gilkes, N. Prakongkep // Proceedings of the 19th World Congress of Soil Science: Soil Solutions for a Changing World - 2010. Brisbane, 2010. P. 1-4.
10. **Vishniac H. S.** The Microbiology of Antarctic Soils // Antarctic Microbiology / ed. by E. J. Friedmann. Wiley-Liss, Inc., 1993. P. 297.
11. **Vorobyova E., Soina V., Gorlenko M., Minkovskaya N., Zalinova N., Mamukelashvili A., Gilichinsky D., Rivkina E., Vishnivetskaya T.** The Deep Cold Biosphere: Facts and Hypothesis // FEMS Microbiol. Rev. 1997. Vol. 20. P. 277.
12. **Yergeau E., Newsham K. K., Pearce D. A., Kowalchuk G. A.** Patterns of Bacterial Diversity across a Range of Antarctic Terrestrial Habitats // Environmental Microbiology. 2007. Vol. 9. P. 2670-2682.
13. **Zeng X., Xiao X., Wang F.** Response of Bacteria in the Deep-Sea Sediments and the Antarctic Soils to Carbohydrates: Effects on Ecto-enzyme Activity and Bacterial Community // J. Environ. Sci. (China). 2010. Vol. 22 (11). P. 1779.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается деятельность «Дружеского литературного общества». Его участники обсуждали новинки отечественной и зарубежной литературы, выступали со своими произведениями. Одним из участников «Дружеского литературного общества» являлся А. С. Кайсаров, который внёс весомый вклад в становление и развитие отечественного славяноведения. В историко-сравнительном аспекте исследуется его малоизвестное сатирическое произведение, направленное против господствовавшего в русской литературе в начале XIX века сентиментализма.

Ключевые слова и фразы: деятельность; литературная направленность; литературно-просветительский кружок; мировоззрение; пародия; сентиментализм.

Елена Эдуардовна Спикина

Кафедра истории России

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Serg.Lewin@yandex.ru

А. С. КАЙСАРОВ И «ДРУЖЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО»[©]

В начале XIX века в Москве образовался литературно-просветительский кружок - «Дружеское литературное общество». Инициаторами его учреждения были Александр Фёдорович Мерзляков и Андрей Иванович Тургенев. Участники общества так сформулировали его цель: «Возжигать сердца наши священным

патриотизмом, в сии священные минуты каждая мысль, каждое биение сердца в нас да будет посвящено Отечеству» [17, д. 618, л. 4 об.]. «Наше Общество, - говорил А. Ф. Мерзляков на первом заседании 12(25) января 1801 года, - есть прекрасное предуготовление к будущей нашей жизни. Оно должно быть зеркалом того великого общества, в котором некогда должны мы служить» [Там же, л. 6]. Анализ устава «Дружеского литературного общества» позволяет утверждать, что его основные положения были заимствованы из устава Собрания воспитанников Московского университетского Благородного пансиона.

«Дружеское литературное общество» возникло как аналог тургеневского кружка, в котором личностный идеал складывался под воздействием этических установок, особенно установки на моральное самовоспитание. Его членами стали братья Андрей и Александр Тургеневы, Андрей и Михаил Кайсаровы, А. Ф. Мерзляков, А. Ф. Воейков, С. Е. Родзянка. Заседания проходили один раз в неделю по субботам с пяти часов вечера.

Главным в деятельности общества можно выделить литературное направление. В. М. Истрин приоритетным в деятельности «Дружеского литературного общества» считал увлечение немецкой литературой и театром [8, с. 81]. Однако, помимо переводов и обсуждений новых немецких произведений, члены общества внимательно следили за новинками русской литературы и сами пробовали свои силы на литературном поприще. Они выступали с докладами («речами», как сами их называли), которые предполагалось издавать, «когда наберётся для одной книжки издания довольно число пьес» [6, с. 289].

Не все участники общества считали, что следует ограничиться только литературной деятельностью. Наиболее ярко это отразилось в выступлениях А. Ф. Мерзлякова, главное содержание которых - проповедь гражданского служения Отечеству. Оратор, по его мнению, призван «возглаголю» в слушателях «энтузиазм патриотизма». «Каждый из нас, - говорил А. Ф. Мерзляков на одном из заседаний, - человек, гражданин, каждый из нас - сын Отечества» [17, д. 618, л. 12]. Поэтому, утверждал он, деятельность собрания нельзя ограничивать рамками только литературных споров.

«Мал тот, - рассуждал А. Ф. Мерзляков, - кто хочет быть только астрономом; несчастливые братья его на земле, а не на планете сатурновой; мал тот, кто хочет быть только героем; кровь не украсит лаврового венца его, когда станет он пред престолом правды, звук побед его не заглушит проклятий разорённого, сердце его не согреет от бриллиантовой звезды, которая украшает его грудь; мал тот, кто хочет быть только оратором, стихотворцем, сочинения его холодны, если не воспламенит их любовь сердечная, советы его не отрут слёз угнетённой невинности, прекрасные мысли его не утолят голода нищему» [Там же, л. 15 - 15 об.].

Литературная направленность, видимо, не всегда выдерживалась в выступлениях членов общества, с чем не соглашались те, кто старался ограничиться только литературными дискуссиями. Андрей Тургенев, призывавший друзей игнорировать общественные интересы и полностью сосредоточиться на сугубо литературных вопросах, с неудовольствием отмечал, что общественные интересы все же давали о себе знать на собраниях общества. «Отчего, - спрашивал он, - говорим мы так часто о вольности, о рабстве, как будто бы собрались здесь, для того чтобы разбирать права человека? Всё сие, как мы видели уже из опытов, бывает только источником неудовольствий» [Там же, л. 16 - 16 об.]. Вероятно, поводом для беспокойства Андрея Тургенева послужила речь А. Ф. Воейкова о Петре III, в которой автор в заслугу императору ставил уничтожение «Тайной канцелярии», дарование прав и свобод дворянству, конфискацию у монастырей деревень и передачу их в государственную казну.

В условиях деспотического режима Павла I А. Ф. Воейков, под видом прославления отца царствующего императора, даёт ему смелую памфлетную характеристику. Тайную канцелярию он называет «тиранским трибуналом, в тысячу раз всякой инквизиции ужаснейшим», «в ужас сердца наши приводящим судилищем, обогрившим Россию реками крови» [Там же, л. 26]. Призывая слушателей «бросить патриотический взор на Россию» до Петра III оратор рисует красноречивую картину, бесспорно вызывавшую в эпоху Павла I ассоциации с современностью. «Мы увидим её (*Россию* - Е. С.), обмеренную цепями, рабствующую, не смеющую произнести ни одного слова, ни одного вопля против своих мучителей; она принуждена сослагать им лживые хвалы тогда, когда всеобщее проклятие возглаголють готово, коварство и деспотизм, вооружённые сим варварским словом, острили косу смерти, чтоб ещё посекаль цвет сынов России, еще продолжить царствование своё на престоле, из героев и костей невинных россиян воздвигнутом», - патетически восклицал А. Ф. Воейков [Там же, л. 26 об. - 27].

Далее он обращается к другой заслуге Петра III - дарованию вольности российскому дворянству. Вопрос этот в начале XIX столетия тоже звучал актуально. Постоянное нарушение Павлом I вольности дворянской раздражало дворянство и усиливало столь типичную для павловского царствования атмосферу несправедливости и неуверенности.

Не прошёл А. Ф. Воейков и мимо важнейшего вопроса эпохи - крепостного права. Поводом для этого была своеобразно истолкованная им секуляризация церковных земель. Этот акт он объяснял как шаг к полному освобождению крестьян: «Мудрое, человеколюбие, великое дело, поставляющее в храме добродетели имя Петра III подле имён величайших законодателей, есть отображение деревень монастырских; четвертая часть сынов России - миллионы полезных рук - кормили праздных паразитических членов государства - монахов, и сии тунеядцы из любви ко... (*многоточие в рукописи* - Е. С.) отягчали добрых, бесхитростных поселян тяжёлыми цепями. Пётр III, оживлённый великим предприятием, снял с них оковы, рёк им: вы свободны!» [Там же, л. 28 - 28 об.]. Свою речь А. Ф. Воейков заканчивал призывом встретить, «в случае надобности ради Отечества», смерть на эшафоте.

26 января 1801 года, на следующем, после выступления А. Ф. Воейкова, заседании произнёс свою речь М. А. Кайсаров. Он отказывался признавать значение общественной деятельности для «умственного» развития человека, поскольку всё в жизни предопределено: «Если бы я хотел входить в дальнейшие исследования, если бы хотел коснуться общественных постановлений, коснуться правил религии, тогда стал бы я утверждать систему Беркилаеву (*Дж. Беркли - Е. С.*), который говорит, что всё видимое, весь мир, все миры и мы все - не что иное, как мечта» [Там же, л. 31, 35].

Собственно, беспокойство Андрея Тургенева было напрасным. Анализ речей участников общества позволяет с уверенностью заявить, что политические вопросы мало их интересовали, преобладали литературные проблемы.

По мнению Ю. М. Лотмана, идейные споры привели, в конечном счёте, к выделению в «Дружеском литературном обществе» двух группировок. Одна группа объединяла Андрея Тургенева, А. С. Кайсарова, А. Ф. Воейкова и А. Ф. Мерзлякова. Все они тяготели к общественной и национальной проблематике, о чём свидетельствуют их речи, произнесённые на заседаниях общества. Эта группа была отчасти затронута «стихийно-демократическими» веяниями и в значительной степени оппозиционна сентиментализму Н. М. Карамзина. Думается, не будет значительным преувеличением заявить, что Андрей Тургенев, А. С. Кайсаров, А. Ф. Воейков и А. Ф. Мерзляков в определённой степени предвосхитили развитие последующей отечественной гражданской литературы и эстетики. Члены этой группы рассматривали литературу как средство пропаганды гражданских, патриотических идей, а сама цель объединения мыслилась ими не только и даже не столько как литературная, но и как общественная. «Разве нравственность и патриотизм не составляют также предмета наших упражнений?», - спрашивал А. Ф. Мерзляков, обращаясь к своим товарищам [Там же, л. 20 об.].

Вторая группа была представлена Александром Тургеневым, В. А. Жуковским, М. С. Кайсаровым и С. Е. Родзянкой. Они ориентировались на субъективно-лирическую тематику в поэзии, идеалистическую философию, религию. Здесь господствовали интимно-лирические темы в поэзии. Вполне естественно, что при такой противоположности мнений не замедлила завязаться полемика.

Первым размежевание общества на два противоположных лагеря заметил Андрей Тургенев. «С сердечным сожалением вижу я, - отмечал он на заседании 16 февраля 1801 года, - что мы разделены, так сказать, на две части, и та и другая порознь в короткой связи между собой, между тем как некоторые из нас недовольно ещё между собой сближены» [Там же, л. 43].

Борьба в «Дружеском литературном обществе» усложнилась выступлениями С. Е. Родзянки о религии. Будучи человеком религиозным, мистически настроенным, он доказывал существование загробной жизни и бессмертие души человека. Против такой тематики резко выступил Андрей Тургенев, считавший, что о религии на заседаниях общества «никогда бы упоминать не должно» [Там же, л. 41]. Вероятно, выступления С. Е. Родзянки на религиозные темы не нашли поддержки у других членов. А. С. Кайсаров в одном из своих писем к Андрею Тургеневу отмечал: «Как бы ты думал, о чём мне случилось говорить с Родзянкою? О Боге. Он много в [рал? верил?] и потому он не нашего поля ягода» [7, с. 46].

Поскольку центральными вопросами в «Дружеском литературном обществе» являлись литературные, то вполне закономерным представляется обращение участников общества к творчеству Н. М. Карамзина, представлявшего господствовавшее направление сентиментализма в русской литературе на рубеже XVIII-XIX веков. Отношение к Н. М. Карамзину и его творчеству у членов общества было неоднозначным: от восхищения до критики. Если в 1799 году Андрей Тургенев восторгался карамзинскими «Песнью боже-ству», «К Милости» и 9 сентября 1800 года писал Н. М. Карамзину: «Стихи «К Милости», «Песнь Боже-ству» и почти все стихотворения ваши знаю я наизусть и нахожу всегда живое удовольствие декламировать, повторять их про себя, особливо в те минуты, когда сердце моё дышит свободно и бьётся для добра» [Там же, с. 73], то в марте 1801 года на одном из собраний «Дружеского литературного общества» он произносит речь, в которой уже обрушивается на Н. М. Карамзина с критикой. Андрей Тургенев упрекал Н. М. Карамзина за то, что он «слишком склонил нас к мягкости и разнеженности», однако «вреден» Карамзин, по его мнению, «потому ещё более, что пишет в своём роде прекрасно: пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы оригинальнее, важнее не столько применялись к мелочным родам...» [Там же, с. 75].

Следует заметить, что критика Н. М. Карамзина весьма своеобразна. В начале своей речи Андрей Тургенев, обращаясь к собравшимся, подчёркивал: «Позвольте напомнить вам любезные друзья, что я предлагаю здесь одни сомнения и догадки» [Там же]. Критикуя Карамзина, он делает важную оговорку: «Должно однако ж сказать, что и сейчас последний (*Н. М. Карамзин - Е. С.*) вместо вреда (который впрочем, существует, может быть только в моём воображении) принёс бы величайшую пользу, если бы в эту самую минуту, как он явился на сцену, не устремилась за ним толпа безрассудных подражателей» [Там же]. «Эта речь, - писал А. А. Фомин, - так рельефна, так сильно отчеканена, так ярка, что не требует никаких объяснений и может вызывать только восторг пред молодым критиком, настойчиво предъявляющим к русской художественной литературе категоричное требование - обязательности для неё истинного реализма и народности. И это требование было выставлено в 1801 году, когда ещё не прошло господство ложно-классицизма, когда царил сентиментализм, и когда нарождался и креп романтизм!» [21, с. 25]. Нельзя не согласиться с мнением В. Э. Вацура, что речь Андрея Тургенева «вовсе не является, безусловно, негативной оценкой литературного значения Карамзина; претензии обращаются не к литературному и идейному противнику, а к главе школы» [2, с. 24].

За Н. М. Карамзина заступился В. А. Жуковский. В своём выступлении на собрании общества 24 февраля 1801 года он повторил программные принципы Карамзина. Выступление Жуковского не осталось без ответа. Спор разгорелся вокруг понятия дружбы. В. А. Жуковский с идеалистических позиций, считая жертву основой морали, отказывался признать дружбой союз, не основанный на «бескорыстном» самопожертвовании. «Вы, конечно, согласитесь со мною, - обращался он к членам общества, - что человек соединён с человеком некоторым внутренним чувством родства, данным ему от природы, а может быть ещё больше своими собственными выгодами, но вы согласитесь также, что сей союз, сколь он, впрочем, ни силен, не может называться именем дружбы» [17, д. 618, л. 45 - 45 об.].

Против В. А. Жуковского выступил А. Ф. Мерзляков, поставивший во главу угла пользу. «Польза, - говорил он, - тот магнит, который собрал с концов мира рассеянное человечество. Польза, друзья мои, то существо, которое соединило нас здесь. Мы одевали его, по обычаю всего света, в разные пышные одеяния, давали ему многообразные имена, поклонялись ему под видом дружбы, под видом братства и проч..., может быть от того самого терял он свою силу. Полно мечтать о будущем! Перестанем искать причину нашей холодности или же причину нашей привязанности к собранию в отдалённых облаках, рождаемых воображением нашим - что же делать? Надобно раскрывать пользу, которую всякий из нас наделяется получить от собрания» [Там же, л. 53 - 53 об.].

Весной 1801 года против Н. М. Карамзина выступил А. С. Кайсаров, написавший остроумную пародию на его свадьбу. Реальное событие - бракосочетание Карамзина - А. С. Кайсаров изобразил в карикатурном виде, составив пародию из его различных сентиментальных произведений. А. А. Фомин предположил, что идея этой пародии была подсказана Кайсарову Андреем Тургеневым. «Описание бракосочетания господина К[арамзина]», - писал он, - «если не было написано самим Ан. И. Тургеневым, то было им внушено ближайшему другу и единомышленнику - А. С. Кайсарову, рукой которого написана рукопись» [20, с. 32]. В. М. Истрин первоначально считал автором данного сатирического произведения Михаила Кайсарова [6, с. 77, примеч.], но позднее пересмотрел свою точку зрения [8, с. 111]. Советские исследователи единодушно считали автором пародии А. С. Кайсарова [1, с. 19-20; 2, с. 36; 10, с. 314; 12, с. 196; 13, с. 65; 14, с. 20]. «Описание бракосочетания г. К[арамзина]» относится к первой женитьбе Н. М. Карамзина на Е. И. Протасовой (апрель 1801 года), хотя М. Ф. Де-Пуле, первым напечатавший в 1875 году это произведение, утверждал: «Приводимая сатира относится ко второй женитьбе Н. М. Карамзина на княжне Е. А. Вяземской» (1804 год) [4, с. 525, примеч.]. В 1876 году её напечатал с пространными комментариями А. Д. Галахов [3]. С. В. Левин и В. П. Тотфалушин ошибочно полагали, что впервые пародию А. С. Кайсарова опубликовал именно А. Д. Галахов [12, с. 196, примеч.]. Эту же ошибку повторила и М. А. Шиленко [22, с. 202, примеч.].

По мнению А. А. Фомина, сатира А. С. Кайсарова - «остроумная, весьма дерзкая для своего времени выходка вполне определённого характера. И как, в общем, ни деликатна эта дружеская сатирическая выходка, всё ж в ней нам, отделённым от событий целым столетием, чувствуется нечто более серьёзное, чем шутка. <...>. Мы должны придти к заключению, что это - ничто иное, как вполне сознательное и далеко не безотчётное констатирование фактов: переоценка настоящего и недалёкого прошлого, чувство неудовлетворённости тем и другим и, следовательно, определённая установка вех для нового пути...» [21, с. 34-35]. «“Описание”, очевидно, есть ничто иное, чем забавная шутка-пародия, - писал А. Д. Галахов, - которой один из литературных противников Карамзина хотел осмеять как слог последнего, так и сентиментальное его направление» [3, с. 180, примеч.].

В этом сочинении, по мнению А. А. Морозова, дружественная шутливость незаметно переходит «в откровенную пародию на условно-сентиментальный стиль» [18, с. 35].

А. И. Баженова считает, что своей пародией А. С. Кайсаров выступил «не столько против Карамзина, сколько против «карамзинистов» и пустой сентиментальности, «затопившей слезами» тогда многие издания» [1, с. 19-20]. Так же считают С. В. Левин и В. П. Тотфалушин [12, с. 196]. Напротив, В. Э. Вацуро полагает, что «Описание бракосочетания г. К[арамзина]» «не есть антикарамзинистский памфлет в собственном смысле слова; ирония в нём направлена на личную, интимную биографию главы сентиментализма, но интимная жизнь пародистом идеологизируется - она представляется как утверждение мировоззренческой программы» [2, с. 36].

Ещё одной темой, актуальной и характерной для творчества членов «Дружеского литературного общества», являлась тема утраты юности, её «мечтаний». Ещё в 1798 году А. Ф. Мерзляков писал:

«Жизнь твоя - кипящее море:

Ты один, один средь волн

Предаёшь пустыне чёлн...» [15, с. 138].

По мнению В. Э. Вацуро, эти стихи А. Ф. Мерзлякова «интересны тем, что в них уже намечены будущие центральные лирические темы и образы стихов Жуковского, причём именно «шиллеровских» стихов: расставание с мечтой, аллегория жизненного челна в бурном море...» [2, с. 84].

Андрей Тургенев в 1802 году написал элегию под характерным названием «И в двадцать я уж лет довольно испытал!», в которой звучали ностальгически-пессимистические мотивы:

«Я должен лишь в прошедшем жить,

В прошедшем радость находить:

И только иногда отрадного слезою

Увядшее сердце оживлять.

Невинность сердца! Утро ясно.
Блаженных детских дней!
Зачем ты так прекрасно,
Зачем так быстро ты?...» [19, с. 239].

Аналогичные пессимистические нотки звучат и в стихотворении А. С. Кайсарова «Моя надежда», которое было положено на музыку композитором В. С. Алферьевым:

«Я строил замки - разрушались;
Я снова строить начинал:
Мои мечтанья миновались,
Я телом и душой увял!
Теперь в развалинах стою!» [9, с. 223-224].

Тема «утраты молодости» в «Дружеском литературном обществе» получила идеологическое наполнение. Она стала предметом неоднократных совместных обсуждений его участников.

«Дружеское литературное общество» просуществовало менее года. После отъезда в Петербург по делам службы Андрея Тургенева, деятельность его прекратилась. Андрей Тургенев сразу же после своего отъезда в декабре 1801 года писал, с тревогой за судьбу общества, В. А. Жуковскому и А. Ф. Мерзлякову, которые остались в Москве: «Вспомните гимн Кайсарова, стихи Мерзлякова, вспомните себя, и если хотите, и речь мою: шампанское, которое вдвое нас оживило; торжественный весёлый ужин, соединение радостных сердец; вспомните - и вы никогда позабыть этого не захотите...» [6, с. 277].

В конце января (или начале февраля) 1802 года в Петербург приехал А. С. Кайсаров и, вероятно, сообщил, что общество на грани распада. Во всяком случае, 3(16) февраля Андрей Тургенев пишет В. А. Жуковскому: «Все видно, отстраняются, брат, от собрания. Теперь и Кайсаров против, и все, и ты, кроме меня. Все теперь против него поднимаются. <...>. Слышу, что Мерзляков не даёт пьес своих и что заводится другое собрание. Я, однако ж, очень этому рад. Хоть бы что-нибудь было, что бы меня заставило что-нибудь делать. Я теперь очень, очень огорчён словами Кайсаровых, которые начинают уже ругать собрание. Как они меня не любят, как я ни люблю их и не должен быть им за многое очень благодарен, но всё бы мне лучше быть одному. Теперь ничего не желаю столько, как уединения. Всё разрушается. Я думал, что собрание будет нам дорого хоть в воспоминании, но вижу противное» [Там же, с. 279-280].

Если Андрей Тургенев воспринимал распад «Дружеского литературного общества» буквально, как личную драму, то Андрей Кайсаров отнесся к этому более спокойно. В одном из писем к Андрею Тургеневу он, в частности, писал: «Ты думаешь, что обидел меня, сказав, что я дополнительное количество в вашем собрании. Конечно, мне неприятно было это; но ты сам знаешь, что я к вам не напрашивался, чувствуя, что я в словесности с вами не равен. Я ещё заранее всё это предвидел и был уверен, что если не ты, то конечно другой бы кто-нибудь скоро мне об этом напомнил» [Там же, с. 283]. Следует признать справедливость замечания В. М. Истрина, что «общество не пользовалось большим вниманием его сочленов» [Там же, с. 278]. «Весьма художочным и нежизненным кружком молодых писателей, возросших в лоне карамзинизма» назвал «Дружеское литературное общество» В. Н. Орлов [16, с. 88].

Таким образом, можно определённо считать, что, возникнув как продолжение масонского объединения «Дружеского учёного общества», «Дружеское литературное общество» не приняло его масонское направление, но сделало своей целью одну из существенных сторон масонского направления - идею нравственного самосовершенствования. «Идея нравственного самосовершенствования, - отмечает М. В. Калашников, - была, по сути, отрицанием главного постулата классической психологии, согласно которому характер человека не меняется в течение жизни. Основанием же мировоззрения членов «Дружеского литературного общества» стал сентиментализм, в комплексе идей которого одной из центральных была идея нравственного самосовершенствования, тесно связанная с представлением о внутренней свободе человеческой личности» [11, с. 7]. М. В. Калашников утверждает, что «члены «Дружеского литературного общества», не принимая масонской мистики, вместе с тем полностью восприняли рациональную технологию морального самосовершенствования, предложенную Франклином (*Бенджамин - Е. С.*) и разработанную им в рамках масонских представителей о достижении высшей истины...» [Там же]. В подтверждение своих слов М. В. Калашников приводит примеры следования идеям Б. Франклина В. А. Жуковского и его близкого товарища Д. Н. Блудова, не являвшегося членом «Дружеского литературного общества». Думается, не все участники общества следовали идеям Б. Франклина, во всяком случае, этого нельзя сказать об Александре Тургеневе, М. С. Кайсарове, А. Ф. Мерзлякове; их жизненный путь, государственная служба не вписывались в «заповеди» Б. Франклина.

Следует признать, что «Дружеское литературное общество» было по замыслу его участников, прежде всего, литературно-просветительским объединением, члены которого считали для себя необходимым нравственное самосовершенствование. «Дружеское литературное общество» не оказало серьёзного влияния ни на общественно-политическую мысль, ни на литературное направление начала XIX века.

Список литературы

1. **Баженова А. И.** «С любовью к Отечеству» // Мифы древних славян. Велесова книга / сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. Саратов: Надежда, 1993. С. 19-22.
2. **Вацуро В. Э.** Лирика пушкинской поры (элегическая школа). СПб.: Наука, 1994. 239 с.

3. **Галахов А. Д.** Николай Михайлович Карамзин: описание его бракосочетания // Русская старина. 1876. Т. 17. С. 176-181.
4. **Де-Пуле М. Ф.** Отец и сын // Русский вестник. 1875. Т. 118. С. 550-621.
5. **Истрин В. М.** А. С. Кайсаров, профессор русской словесности, один из Младшего тургеневского кружка // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 7. С. 102-131.
6. **Истрин В. М.** Дружеское литературное общество в 1801 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 8. С. 273-307.
7. **Истрин В. М.** Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев // Архив братьев Тургеневых. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1911. Вып. 2. Письма Александра Ивановича Тургенева Гёттингенского периода (1802-1811 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Гёттинген. 1805-1811 гг. С. 3-134.
8. **Истрин В. М.** Русские студенты в Гёттингене в 1802-1804 гг.: по материалам архива братьев Тургеневых // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 7. С. 80-144.
9. **Кайсаров А. С.** Моя надежда: романс // Труды Вольного общества любителей русского языка и словесности. 1818. Ч. IV. С. 223-224.
10. **Кайсаров Андрей Сергеевич** // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1966. Т. 3. 975 с.
11. **Калашиников М. В.** «Арзамасцы» и Б. Франклин // Освободительное движение в России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 5-16.
12. **Левин С. В., Тотфалушин В. П.** Жизнь и деятельность Кайсарова // Четыре века: сборник статей, посвященный 400-летию Саратова / отв. ред. Е. К. Максимов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. С. 190-208.
13. **Лотман Ю. М.** Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Учёные записки Тартуского университета. 1958. Вып. 63. 191 с.
14. **Лотман Ю. М.** Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. 382 с.
15. **Мерзляков А. Ф.** Утешение в печали // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. XVIII. С. 138-139.
16. **Орлов В. Н.** Русские просветители 1790-1800-х годов. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1953. 544 с.
17. **Речи, говорённые в собраниях Дружеского литературного общества** // Институт русской литературы и искусства. Отдел рукописей. Ф. 309. Оп. 1.
18. **Русская стихотворная пародия (XVIII - начало XX в.)** / вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. А. Мерзлякова. Л.: Советский писатель, 1960. 854 с.
19. **Тургенев Ан. И.** И в двадцать я уж лет довольно испытал... // Поэты 1790-1810-х годов / вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подгот. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биограф. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. 2-е изд. Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1971. 912 с.
20. **Фомин А. А.** А. И. Тургенев и А. С. Кайсаров: новые данные о них по документам архива П. Н. Тургенева // Русский библиофил. 1912. № 1. С. 7-39.
21. **Фомин А. А.** Андрей Сергеевич Кайсаров (1782-1813): новые материалы для биографии и для характеристики его литературной деятельности из архива П. Н. Тургенева // Русский библиофил. 1912. № 4. С. 5-33.
22. **Шиленко М. А.** «Саратовские безделки» А. С. Кайсарова // Труды Саратовского областного музея краеведения / отв. ред. Н. М. Малов. Саратов, 2006. Вып. 9. С. 201-205.

УДК 8

Филологические науки

Данная статья посвящена актуальной проблеме описания когнитивной структуры концепта «Человек», реконструированного на материале фразеологических единиц (ФЕ) русского языка, с особыми компонентами, которые генетически восходят к лексемам с доминантной семой вещественности. Концепт «Человек» - один из базовых во фразеологии для русской ментальности. Цель статьи - выявить способы вербализации этого концепта, репрезентирующие и квалифицирующие разные аспекты жизни и деятельности человека, черты его характера, поступки, поведение. Рассмотрены структурирующая роль «вещественного» компонента в классификации ФЕ по тематическому признаку, а также семантикообразующая функция «вещественного» компонента, которая понимается как его способность формировать новую фразеологическую семантику и коннотативные семы во взаимодействии с другими компонентами фразеологизма.

Ключевые слова и фразы: вещество; вещественные существительные; термин; фразеологическая единица; семантическая структура; компонент; концепт.

Татьяна Валерьевна Сычева

Астраханский государственный университет

tanu29061@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК» ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ С КОМПОНЕНТОМ - НАЗВАНИЕМ ВЕЩЕСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Антропоцентрический подход к языку вызвал интерес исследователей к языковой личности. Каждый язык стремится выразить и охарактеризовать любые явления жизни человека и, конечно, его самого (черты